

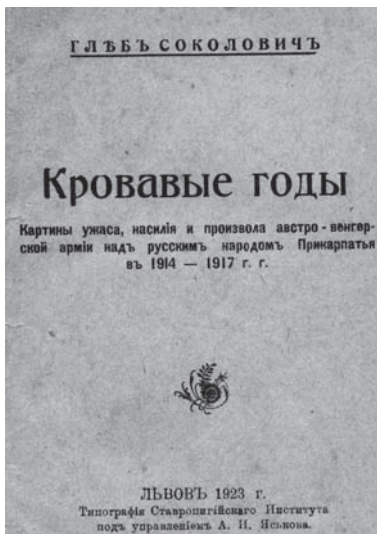

ТРАГИЧЕСКАЯ ЗАБЫТАЯ РУСЬ

Глеб Соколович - псевдоним Владимира Михайловича Добрянского (1889-1928). В первый день арестов русских подданных Австро-Венгрии он вместе с отцом - священником Михаилом Васильевичем Добрянским и братом Константином были арестованы и помещены в страшный концентрационный лагерь Талергоф: концлагерь специально для русских, первый в Европе. Оба брата на то время были студентами. После освобождения из Талергофа Владимир занялся журналистикой, сотрудничал во львовской газете "Русский Голос", а также в газетах Ужгорода. В 1923 году во Львове выпустил книгу рассказов "Кровавые годы", где речь идет о самом, пожалуй, трагическом периоде жизни карпатороссов в Австрийской империи - Первая мировая война, когда началось открытое преследование и уничтожение русских жителей империи за то, что русские.

Без суда и следствия, без предъявления обвинений и судебных разбирательств русских арестовывали прямо в поле за работой, дома или на улицах. На улицах же спешно соорудили виселицы и вешали или расстреливали на месте. Уничтожались целые деревни, тысячи арестовывались и вывозились в лагерь, где русские заключенные подвергались жестоким пыткам, издевательствам и унижениям. Люди сотнями гибли ежедневно, что и было запланировано: не нужны русские в австрийской империи. Глеб Соколович описал в своей книге практически в репортажном стиле обстановку тех лет в Галицкой Руси. Без преувеличений. Предисловие к книге - это реквием в прозе, посвященный убиенным русским своим сородичам. Не забудем этот забытый этноцид наших братьев и сестер Галицкой Руси... Если кто-то захочет узнать побольше о замолчанном геноциде наших соплеменников, рекомендуем посмотреть документальный фильм Алексея Денисова "Трагедия Галицкой Руси"... А пока предлагаем вниманию наших уважаемых читателей два рассказа Глеба Соколовича, помянем тех наших братьев, которые были частью нашего народа, нашими трагическими предками...

Наталья ГАТТАС

КРОВАВЫЕ ГОДЫ

Кровавые годы - кто из нас, из тех, кто живым остался, проходя мимо тюрем, виселиц, штыков, пушек и целого ужаса всемирной войны мог вас позабыть? Кого судьба сохранила до сих пор - мог ли он забыть время ужасных, кровавых дней, когда лилась неповинная кровь русского народа, жильцов забытого Прикарпатья, когда зловеще скрипели неисчислимы виселицы? Нет! Целое море ужасных страданий живо стоит перед глазами современника. Но у грядущих поколений - останется ли живо в памяти это жуткое время? Или быстрые волны бурного времени унесут все в вечное забвение - и память о тех жертвах произвола скроется в неисчислимых, во мно-

гом неизвестных могилах народных героев-страдальцев, мучеников за великое дело...

О нет! Не смеет потонуть в немом забвении память о тех, кто жизнь отдал на алтарь Отчизны-Родины!

Братья родные - разрешите почтить мне Ваши, по всему пространству земли русского Прикарпатья рассеянные, белые косточки и память о Вашей алой крови, которой орошена святая земля страны родной... Примите эти несколько строк моих, как должный долг Вашей великой памяти. Пусть они вещают всем героическую кончину тех, кто Родину любил больше жизни своей, кто за Родину, презирая смерть, умирал...

РАЗСЕКАЛИ

Памяти 46 мучеников

Картину ужаса, которую хочу изобразить сейчас словами, едва ли смогу в сотой части передать, как бледную тень... Чтобы в тысячной части представить верно то, что хочу передать, нужно быть художником, каких человечество еще не дало... Когда теперь глазами души воссоздаю эту картину невероятного ужаса, кровь стинается, сердце неопикуемой болью сжимается, запирает дух, в голове кружится, надо собрать все силы духа, чтобы не пасть в отчаяние...

Боже! Помоги передать достойно, по крайней мере в миллионной части то, на что разрешил Ты солнцу ясного смотреть, не закрыв его божественного лица перед зверством человека, которого Ты по образу своему создал, человека-зверя, хуже зверя, зверь не способен на то, на что способен человек в момент безумной жажды неповинной крови!

Картину ужаса, которую хочу изобразить, хочу возложить неизмеримым, неистираемым, неизгораемым, кровавым пятном на варварски дикую нацию монголо-венгерцев и их собратьев немцев - на их бо головы падет кровь тех галицко-русских жертв, о грозной кончине коих попытаюсь рассказать грядущим поколениям.

Грозная, кровавая война горит неугасимым пожаром. Орудия разрывают тысячи здоровых людей на кусочки, кровь льется рекой, лазареты переполнены стоном, плачем, последним дыханием рабов деспотизма, тюрьмы наполняются тысячами жертв насилия и произвола; расстрел, виселица - насущный хлеб озверелой толпы.

По деревням шатаются толпы длинноносых, строгих, кроважадных жандармов; выискивают среди мирного населения Галицкой Руси "изменников - ферретеров", тех, кто Русь любил...

Ведут - ведут... Грозно гремят кандалы. Ведут группу людей, человек 46. Все в серых крестьянских сукманах, самодельной работы, дело рук трудолюбивых русских жен. А в кругу серых крестьян, как цветочек на лугу роскошном красуется юная, как заря утренняя, нежная, как ветерочек, гимназистка, девица М.* Кругом ее личика, кругом ясной головки обрваного чудесный ореол и в лучах яркого солнца играет дивными, непонятными красками... Это ангелы несут за юной девицей ореол славы той, которая через час святая станет перед Богом, на зов: "Ходи ко мне, отдавшая жизнь за Родину-Русь святую. Кто Русь любил до последнего дыхания - ходи ко Мне"... И сонм ангелов следует за транспортом - поведут они их души святые в царство вечной мечты, в страну грез - к Богу...

Но не предчувствуют гонимые; непонятное молчание сковало их уста, мысли улетели куда-то в неизвестную страну: что будет, куда ведут? Но не

и не поглотила всех и вся, чтоб не было этого злодеяния, чтоб не полилась неповинная кровь, чтобы не запятнались стены русского города -

Группа Терезинцев. (Съ съва на право). 1. А. Гичко чинов; 2. Апель, унтер-офиц. ключник; 3. немец; 4. Какерла. унт.-офиц. ключ. чех; 5. о. Ян Борковский; 6. о. П. Янець; 7. 8. ? 9. Караульн. солдат; 10. д-р Цюк, врач; 11. о. Киричский 12. кр. И. Тузь; 13. о. Н. Добрянский; 14. ?; 15. о. I. Кузьмак; 16. кр. ?; 17. г-жа О. Байко; 18. унт. Д. Чайковский; 19. чинов. суд. I. Гичко; 20. Айг. Влашич; 21. крест. ?; 22. о. Д. Гичко; 23. о. Гамерский; 24. унт. сем. Фидык; 25. австрийск. фельд. ?; 26. гимназист. ?; 27. А. Генсюрский; 28. о. Ю. Генсюрский; 29. крест. двунш.; 30. ?; 31. В. Киричский; 32. г-жа Е. Прилоская; 33. крест. ?; 34. ?; 35. о. Р. Чайковский; 36. Учитель старшчок. нем. фам. Скочин. Тер. отъ. немск. случай; 37. судья Гайбловский; 38. Зомбек. поляк; 39. ?; 40. Д. Чайковский; 41. Ст. Макаръ, студ.; 42. д-р Занц; 43. Р. Макаръ, студ.; 44. о. ?; 45. о. Перчикский; 46. унт. Стрельбицкий; 47. О. Дуфанец; 48. судья Р. Авдаковский; 49. о. Феленчак; 50. о. Петровский; 51. ? поляк; 52. ? мѣщан; 53. ? о.; 54. о. Бѣласт; 55. В. М. Добрянский, журнал.; 56. студ. Галушка; 57. о. К. Грудневич; 58. о. Н. Полянский; 59. о. М. Добрянский; 60. крест. ?; 61. о. Пирог; 62. К. М. Добрянский, студ.; 63. ? француз; 64. ?; 65. Шуминский, студент; 66. Караульный солдат; 67. препод. Дорожинский; 68, 69, 70 дѣти.

Концлагерь для русских Терезин (Австро-Венгрия). Владимир Добрянский (псевд. Глеб Соколович) под №55. Фото 1915 г.

только ангелы на вечный путь сопровождают обреченных. Толпа бесов в человеческом теле следует за страдальцами. Чтобы путь Голгофы увеличить, плюют, бьют, ругают, а камни так и летят на головы несчастных.

- Куда ведете нас? - спросил мужик...

- Не знаю. Иди, куда ведут. Узнаешь, - ответил господин жизни и смерти.

И молча приблизился транспорт к железнодорожной станции К*. Под рев озверевшей толпы двинулся поезд, увез крестьян и девушку юную, цвет Галицкой Руси.

Княжеский город Перемышль в лихорадке. Толпы пылью покрытых солдат спешат по дороге. Тысячные возы длинными рядами тянутся сюда и туда. Пыхтя, быстро пролетают автомобили; в них золотом блестят шеи жирных господ-генералов. Рев, визг, свист, гул сплелись в дьявольский хаос... Чувствуется приближение за волю и свободу Славян воюющих русских солдат... Львов уже в русских руках... Под Городком и Русской Равой разбитая лоскутная Австро-Венгрия - дрожит, собирает недобитки, готовится на новый кровавый пир, бросает новую дань кровавому Молоху - войне.

Из вокзала, по улице Семиградского, ведут наших доблестных русских крестьян, а во главе дочь русского священника, молоденькую гимназистку М*. Вокруг дикая толпа. Град камней сыплется на несчастных, побои палками, то и дело, не устают. Несчастные, они на смерть обречены! Лица их оплеваны. Лбы их залиты кровавым потом. Измученные ноги еле двигают утомленное, избитое тело.

Идут, медленно идут. Совершают последний путь своей Голгофы - за Родину-Русь. Проходят мимо кучки солдат. Дикая толпа, звериные глаза - так и говорят: это дети венгерских равнин, потомки диких Монголов. Их длинные шашки алчно сверкают, солнце горит на них, тревогу вызывает.

- Куда? - спросил один из солдат.

- О, - ответил жандарм и потянул рукой по шее

Солнце! Почему ты не закрылось, почему не запалось под землю, почему твое жизнедающее лицо не скрылось пред злодеянием разбойничьих рук! Зачем смотрело на ужас ужасов? Зачем не раскрылась земля

русской кровью! Нет! Все это должно было случиться. Русскому народу Галицкой Руси суждено было чашу горя выпить до дна!

И случилось то, чего не в состоянии описать ни одно перо.

Заревела, зашумела дикая толпа венгерцев. Мороз ужаса пролетел по спине несчастных мучеников, и даже толпы случайных проходивцев. В лучах солнца заблестели длинные, острые шашки и... шах, шах, шах - началась дикая резня... полилась кровь... посыпались кусочки тела... крик отчаяния... стон умирающих... удары шашек создали музыку, ада - понятную разве душе дикого мадьяра...

В грязную пыль покатались руки, ноги, головы... Среди кровавой толпы русская гимназистка... Нельзя описать ужаса, выраженного в ее испуганных глазах, в ее страдальческом, героическом лице... Она падает на колени, поднимает белые ручки к небу и душу раздирающим голосом молит: "Боже!" - и - шах, дикая рука зверского вандаля опускает с быстротой молнии острую шашку - и разрублена ее ясная головка... Струя алой крови заиграла в лучах солнца... Мозг полетел на стену, а кровавое, нестираемое пятно осталось на холодной, немой стене...

Австро-венгерские "герои" изрубили 46 человек - посекали на куски... посекали сынов Галицкой, многострадальной Руси... Изрубили - и конечно... Как будто так и должно быть. Командант крепости генерал Кусманек, который в Вену послал доклад: "Если в Перемышле останется один русский человек, я за крепость не ручаюсь", на доклад о вандализме-зверском поступке солдат, дал краткий ответ: "Geschicht den Verrater Recht!" (т.е. поделом изменникам).

А "герои" австро-венгерской армии разошлись по городу, повсюду хвастая, что на их шашках блещит русская кровь, что они уже перешли кровавое военное крещение.

Кусочки тел несчастных сгребли лопатами, наложили на большую городскую воз и вывезли за город, где и зарыли на краю кладбища, в забытом уголке.

А когда утомленное солнце скрылось перед мерзостью мира, история мученика галицко-русского народа кровавыми письменами начертала: 15 сентября 1914 года".

Чудом, кажется, волей Всевышнего, наверное, для того, чтобы остались свидетели, остались из транспорта 46 два человека в живых. Один из них, Стефан Борсук, был призван позже даже в ряды австро-венгерской армии и послан для защиты своих убитых на итальянские позиции.

Я описал своей слабой рукой один из ужаснейших эпизодов мученичества русского народа Прикарпатья, но, чтобы вечно, вечно почтить тех жертв варварского произвола, по судебным актам списываю фамилии мучеников, отдавших жизнь за Родину.

Команда крепости Перемышля доставила державной прокуратуре список убитых под следующим заглавием: "Ausweis ubet verdachtige Russophile, welche im Falle der Annäherung des Feindes, die oster-ungarische Armee zu verraten im, Stande sind". В списке читаем след. фамилии: 1. Андрей Павловский, 2. Петр Пилип 3. Михаил Бохонок из Рудавки, 4. Василий Ленинский из Рудавки, 5. Петр Коваль, 6. Иван Пинцо, 7. Федор Лысейко, 8. Михаил Чубара из Стебника, 9. Проккоп Шимоняк, 10. Андрей Плювак из Юречковой, 11. Стефан Микита из Штайнфелс, 12. Андрей Маша из Смольницы, 13. Николай Жолдак из Милотович, 14. Илья Артым, 15. Стефан Кузьминский, 16. Андрей Маркевич, 17. Стефан Борсук, 18. Григорий Мельничук, 19. Дмитрий Васевич, 20. Иван Галушак, 21. Андрей Тыминский, 22. Атанасий Гбур, 23. Андрей Процьк, 24. Дмитрий Кузьминский, 25. Станислав Артым, 26. Николай Кузьминский, 27. Николай Сивый, 28. Иван Маркевич из Гронзьевой, 30. Василий Божило, 31. Иван Махник, 32. Федор Лыско, № 33 Григорий Бодок, 34. Екатерина Бандровская, 35. Николай Мусит, 36. Станислав Пологонский, 37. Мария Мохнацкая, дочь священника из Войтковой, 38. Федор Божило, 39. Федор Судор, 40. Федор Сливак, 41. Михаил Дроздовский, 42. Иван Судор, 43. Николай Божило, 44. Андрей Божило, 45. Атанасий Мартишин из Новоселиц, 46. Не вписан в список, который у меня на руках.

Вечная вам память, мученики! Пусть Ваша невинная кровь молит Бога о лучшей судьбе Вашей Родины, за которую мученической смертью суждено было Вам умереть! Память о Вас будет жить среди нас - от рода в род - пока жить будет русский народ в Галицкой Руси!

Прибавлю еще, что знакомые мне свидетели этой ужасной картины находятся еще в живых, а именно: майор аудитор, д-р Шурв (Чех) и Роман Дмоховский, судья в Перемышле.

МЕСТЬ

Грохот войны с неопикуемой быстротой катился в карпатских горах, пролетал гору за горой, деревню за деревней и быстро приближался к самым верхам, чтобы с треском и шумом скатиться в долины Закарпатской Руси, стонущей под жестоким, ужасным гнетом монголо-венгерцев.

Жильцы гор в испуге скрывались по лесам, по ямам; в бедных, под соломенными стрехами домишках мало кто посмел остаться в это лютое время, когда живая лава серых людей валилась гора за горой, несмотря на путь, всеми возможными и невозможными, известными и неизвестными тропинками.

Когда к деревушке Г* приближалась эта ужасная, лихорадочная, всеуничтожающая гроза войны, повеяло уже осенним холодом. Проникающий дождь перемешался с холодным снегом, повеяло противным ветром, какие бывают в наших Карпатах, на их высоких верхах только осенью. Под давлением природы и ужасной войны дрожала деревушка, дрожали горы, леса и долины, дрожали

целые Карпаты.

Уже последние признаки дня улетали в темноту неизвестности ночи, когда буйный ветер, страшно ревя, бросил чем-то холодным, смесью дождя со снегом в окна маленьких изб. Настала ужасная, грозная ночь, какие бывают осенью и в какую не дай Бог остаться человеку подалеже от жилищной усадьбы.

Но ужас войны, приказ деспотов и в эту ночь гнал массу людей куда-то вперед, в неизвестность, в ужас и смерть. В хаотическом беспорядке бежали все - солдаты всех родов оружия, больные, раненые, военнопленные, беженцы, словом, все, кого охватил испуг перед наступающей русской армией. Среди беженцев подавляющее большинство - евреи. В хаосе войны они на время растерялись, не зная, оставаться ли им на местах среди несчастных карпатоссов и ждать прихода русских солдат или удирать вместе с опекунами своими - австро-венгерской армией. Большинство решило удирать, захватывая с собой нажитые годами деньги, остальное же имущество оставляя на крестьян.

В маленькой, от дыма почерневшей избушке старого Николая собралось много людей, целая семья, известных в округе Смольных. Еще два дня до этой ужасной ночи у этой многочисленной семьи было три дома, сейчас остался только один маленький домик старого Николая, главы целой семьи. Остальные два - навесила шальная граната и предала их пламени уничтожающего огня. В маленькой избушке душно, нечем дышать. Плачут ребята, читают молитвы женщины, предавшиеся думам мужчины увеличивает тяжесть воздуха дымом из труб, этих незаменимых друзей горцев, а в углу познута два человека, раненные осколком шальной гранаты.

- Николай! Николай! - озвучил голос за дверью избу и неизвестный ночной гость сильно постучал в окошко.

- Кто там? - спросил хозяин.

- Это я, - ответил голос за дверью, - Мошко. Не узнаешь меня? Сколько раз ходили вместе в Бескид продавать волов? Пусты - здесь беда. Я бегу. Хотел в Бескид, боюсь русских. Но гроза и ночь не пускают, а я утомился ужасно... бежать из Т*, вот к тебе, не так легко... а со мной еще Сура и дети и девка, что служит - человек шестеро.

- Ради Бога, Мошко, - не могу... У нас беда. Две хижинки моих сынов граната спалили, целая семья у меня в избе собралась, негде ногой стать, человек восемнадцать, куда же девать нам еще шестерых? Нельзя. Заходи к другому, где побольше места.

- Лучше, Мошко, - прибавил сын хозяина Иван, - иди к кормарю, к Хаскелю, у него места довольно, а то и вера одна... У нас-то и у других крестьян места мало. Поддеревни погорело... в каждой избушке две, три семьи живут...

- Правда, - полупшепотом заметил Степан, младший сын хозяина, - и места нет, а впрочем - пускай евреев... а вдруг завтра придут русские... как посмотрят они на крещенного брата?... - Крестьяне переглянулись между собой

- Нельзя, нельзя, - повторил хозяин, обращаясь к Мошку, все еще стоявшему под окошком. - Посмотри - нет места.

- Пусты, говорю, - сердито закричал еврей, а то позову жандармов. Я к Хаскелю не могу! Мы уже больше полгода в ссоре, когда серых волов продавали Морицу за Бескидом.

- Нет места и не пускаем, - тоже сердито ответила хозяйка Мария. Вот какой нашелся, жандармами пугает... Еврей - иди к еврею... Не пускаем!

Долго еще сорились еврей с хозяевами, пугая их солдатами и жандармами, виселицей и целым адом, но наконец, нужды ради, куда-то потянулся дальше, а восемнадцать человек крестьян в маленькой избушке ложились на сон, чтобы утром, когда раннее солнце своими божественными лучами бросит золотом на окутан-

ные снегом горы, встретит первые отряды русских солдат, в тот день водрузивших на верхах русских Карпат русский флаг.

На некоторое время отдохнула карпатская деревня. Несмотря на грозу войны стало мирней, смерть не собирала кровавой жатвы среди мирных жильцов, придорожные деревья не превращаясь в позорные виселицы, не шлялись толпы кровожадных жандармов. От поры до времени, правда, прискачет русский казак, запоем удалую, расскажет сказку, попляшет на радость девкам, пошутит и опять уедет в своим... И мало-помалу начало казаться, что и войны нет. Не слышно пушечных выстрелов, не видно огней, вся гроза войны покатила в Русь Закарпатья, нам говорили, чтобы освободить братский народ из тюрьмы Сигота...

Знакомый нам Мошко в описываемую ночь не мог пробраться в Бескид.. Где-то у кого-то просидел ночь, а через два дня опять был в городишке Т*, где, узнав, что русские солдаты ни что другое, а люди, что у них не один глаз, а два, точь-в-точь как у всех людей, сумел скоро принорваться к обстоятельствам и собирал за водку рубли...

Время освобождения Карпат изпод австро-венгерского гнета не было долговечно. Несколькими месяцами спустя гул брани, поступая от юга, начал приближаться опять к деревушке Г*. На жителей Карпат нашел испуг, все боялись и дрожа ожидали "освобождающей" армии австро-венгерцев, бросали дом родной и предпочли убежать с "врагами", с русской армией. Потянулись массы галицко-русских беженцев далеко на восток - в Матушку Россию.... Полуопустевшие села встретили своих кровавых господ с понуренной головой... Все предчувствовали, что за "нашествие иноплемеников" придется многим расплатиться головой...

В городе Т* у Мошка расположился Х-тый полк, а собственно, часть его офицеров. С Мошком особенно подружился один из офицеров, совсем еще молодой человек - немец ли, венгерец ли, нельзя было установить, но с Мошком говорил только по-немецки, а нос его был родной брат Мошкина носа. Мошко рассказывал офицеру обо всем, что происходило за время "наезда" русских на русские Карпаты. Не обошлось без того, чтобы не рассказать о случае, имевшем место в ночь русского наступления в деревне Г*.

- Что? Эти "гои" не пустили вас на ночь? - закричал офицер, выслушав доклад Мошка. - Мы сейчас поедем туда!

И не прошло десяти минут, как по улице поднялась пыль, возводящая улетающим с быстротой молнии автомобилем, в котором сидели офицер и Мошко.

В деревушке Г* был дождливый день. По полям нельзя было работать. Вся крестьянская семья Смольных была дома, занятая разнообразными работами, коих много в крестьянской, многочисленной семье.

С треском и шумом, тяжело дыша, приостановился автомобиль перед хижинкой. Жильцы-верховинцы, предчувствуя ужас, молча приняли в избу гостей - Мошка и офицера.

И совершилось злодеяние, насилие. Вошедший еврей, указав пальцем на хозяйку, его жену и старшего сына, только сказал: "Вот они!"

Этого было достаточно. Офицер хладнокровно вынул револьвер и на глазах всех, самовольно, без суда, без слова допроса прицелился к голове старого верховинца, затем его жены и сына - и тремя по себе следующими выстрелами были смертельно пробиты головы русских крестьян... Мошко отомстил за осеннюю ночь...

Еще не успела семья несчастных Смольных опомниться от ужаса, а автомобиль, бросая грязью направо и налево, улетел по направлению города Т*, увозя офицера убийцу и мстителя Мошка, довольных короткой расправой.

Эдуард ЛИМОНОВ

Китайская пролетарская культурная

Я когда-то увидел историческое сходство между поведением Мао и Сталина. Обнаружил вот какое сходство.

Через 17 лет после революции, а именно в 1934-м, после убийства Кирова, воспользовавшись убийством Кирова как предлогом, Сталин начал свои знаменитые «чистки» — процессы против старых большевиков, а по сути дела, занялся уничтожением целого класса новой советской буржуазии, выросшей, как грибы после дождя, с 1917 по 1934 год.

Тот же самый процесс повторил Мао Тзэ Тунг в китайском контексте. Китайская революция победно завершилась в Пекине в 1949 году, когда была провозглашена Китайская Народная Республика. А уже в 1966-м (заметьте, ровно через 17 лет, навязчиво именно через семнадцать, видимо, столько времени требуется для образования нового паразитического класса) Мао начал в Китае «Великую пролетарскую культурную революцию». Приведу ее название по-китайски, уж очень экзотично звучит: «Учань Цзэцзи Вэньхуа Да Гэмин» (сокращенно «Вэньхуа Да Гэмин» или «Вэньгэ»),

Великая пролетарская культурная продолжалась десять лет, с 1966-го по октябрь 1976 года.

Вначале была искренняя инициатива масс, подсказавшая Мао путь, по которому следовало пойти.

Еще 10 ноября 1965 года была опубликована статья Яо Вэньюаня, изложившая претензии китайских низов к верхам. А 1 июня 1966-го состоялось прочтение по радио дацзыбао, сочиненного Не Юаньцзы, преподавателем пекинского Университета: «Решительно, радикально, целиком и полностью искореним засилье и зловерные замыслы ревизионистов! Уничтожим монстров — ревизионистов хрущевского толка!»

После этих, на самом деле важнейших, исторических событий — статьи и дацзыбао — по всему Китаю начались волнения школьников и студентов. Поскольку власть их не оставляла, уже летом 1966-го миллионы школьников и студентов организовались в отряды и стали высказывать «монстров и демонов» прежде всего среди преподавателей, среди руководства университетов и школ. Местные и городские власти, естественно, пытались защитить преподавателей, в ответ школьники и студенты подвергли их унижению и преследованиям. На «классовых врагов» напяливали бумажные колпаки, раскрашивали им лица чернилами, заставляли идти, нагнувшись, или ползти, а то и лаять. Вешали им на шею таблички с оскорбительными дацзыбао, одевали в лохмотья.

Чтобы усилить накал страстей, Мао распорядился 26 июля 1966 года распустить учащихся всех школ и университетов на шестимесячные каникулы. Дополнительные 50 миллионов несовершеннолетних вывалились на улицы.

Вот тогда, в августе, собрался пленум ЦК КПК. 8 августа 1966 года XI пленум ЦК Компартии Китая принял «Постановление о великой пролетарской культурной революции».

Цитата: «Хотя буржуазия уже свергнута, она, тем не менее, пытается с помощью эксплуататорской старой идеологии, старой культуры, старых нравов и старых обычаев разложить массы, завоевать сердца людей, усиленно стремится к цели — осуществлению реставрации. В противовес буржуазии пролетариат на любой ее вызов в области идеологии должен отвечать сокрушительным ударом и с помощью пролетарской новой идеологии, новой культуры, новых нравов и новых обычаев изменять духовный облик всего общества. Ныне мы ставим себе целью разгромить тех, облеченных властью, которые идут по капиталистическому пути, раскритиковать идеологию буржуазии и всех других эксплуататор-

ских классов, преобразовать просвещение, преобразовать литературу и искусство, преобразовать все области надстройки, несоответствующие экономическому базису социализма, с тем, чтобы способствовать укреплению и развитию социалистического строя».

«Постановление» лишь закрепило, выразив казенным языком, то, что уже началось, а именно: руками молодежи — школьников и студентов — Мао начал ликвидацию новой китайской коммунистической буржуазии.

На том же XI пленуме ЦК КПК был смещен со своего поста человек, олицетворявший «буржуазную» линию в Компартии Китая — Лю Шаоци. Человек номер два после Мао в китайской партийной иерархии, Лю возглавлял в партии тех, кто призывал к реформам экономики с частичным внедрением в нее рыночных механизмов.

За две недели до пленума Мао лично подверг критике позицию Лю Шаоци. Супруга Мао кричала: «Лю Шаоци! Ты направляешь рабочие группы, которые жестоко расправляются с молодыми генералами культурной революции! Это величайшее преступление, которое нанесло неопытный вред!»

Мао призвал нанести «огонь по штабам!».

И удар был нанесен, вначале на пленуме, а затем хунвэйбинами и цзаофанями (так называли себя отряды молодежи). Лю Шаоци был отстранен от работы на время, «пока компартия Китая будет определять характер его ошибок». Фактически его поместили под домашний арест. Вместе с женой и детьми Лю Шаоци подвергся унижениям и издевательствам, его публично допрашивали, возле его дома постоянно проходили демонстрации «в защиту председателя Мао». Его малолетняя дочь подверглась побоям в школе. Лю Шаоци был брошен в тюрьму, где и скончался в 1969-м, в начале года.

Репрессиям подверглись и его ближайшие соратники: Пэн Чжэнь, Ло Жуйцин, Лу Диньи, Ян Шанкунь и Дэн Сяопин. Дэн Сяопина сослали в деревню, где заставили ухаживать за свиньями. Репрессированных обвиняли в том, что они «правые уклонисты», «ревизионисты» и «агенты капитализма».

Либеральным историкам нравится считать, что Мао Тзэ Тунг зажег пламя пролетарской культурной, чтобы удерживать власть. Это тенденциозное, неумное утверждение, не выдерживающее критики. Мао был человеком номер один в Компартии Китая, основателем Китайской Народной Республики, народным императором. Его авторитет был непререкаем. У него не было необходимости бороться за власть.

Однако он был неисправимым честным революционером, этот старый упрямый Мао, сын деревенского кулака и матери-буддистки. Символично, что, поселившись в Императорском дворце, он приказал высеять перед окнами своего павильона маис, чтобы он мог смотреть на маисовое поле, он видел такие поля в детстве. Его отец, кулак и трудяга, и тоже упрямый человек, богатый крестьянин, выращивал маис и торговал маисом в провинции Хунань, где Мао родился в 1893-м.

В 1966 Мао было 73 года. Он решил разрушить, разметать новую буржуазную, упрямый старый революционер. «Не затем у врага кровь лилась по дешевке, чтоб несли жемчуга

руки каждой торговки». Он поднял молодежь против своих старых товарищей. И позволил им действовать фактически безнаказанно. Вот некоторые подвиги хунвэйбинов.

Министерство транспорта выделило хунвэйбинам бесплатные поезда для разъездов по стране. Они ездили обмениваться опытом. Была проведена кампания «Деревня окружает город» (впоследствии этим опытом воспользовались красные кхмеры в Камбодже), когда около 20 миллионов молодых людей с высшим образованием были депортированы в отдаленные районы, в деревни.

Хунвэйбины сожгли декорации и костюмы Пекинской оперы. Жгли храмы и монастыри.

Снесли часть Великой Китайской стены, чтобы построить из ее кирпичей «необходимые народу свинарники».

Отряды молодежи отрезали женщинам косы, сбивали крашенные волосья, обламывали высокие каблуки. Нельзя ведь приготовить яичницу, не разбив яйца.

Основной книгой Китая тогда стала «маленькая красная книжка» — цитатник Мао. Сообщают, что книжные магазины продавали только цитатник Мао. Хунвэйбины останавливали прохожих и читали им цитатник Мао.

Для высших чиновников («огонь ведь по штабам!») были организованы в провинции школы трудового обучения. 106 школ возникли в 18 провинциях. 100 тысяч чиновников центрального правительства, а также 30 тысяч членов их семей были отправлены в эти школы.

Количество погибших в культурной революции намеренно преувеличено, как и количество жертв сталинизма. Одни источники называют миллион погибших. Есть и сумасшедшие заявления о 100 миллионах.

Известно, что в ходе культурной революции были репрессированы около 5 миллионов членов партии и что к IX съезду в 1969 году в партии насчитывалось около 17 миллионов человек. Во время X съезда 1973 года численность КПК составила уже 28 миллионов, то есть за эти годы в КПК были приняты где-то 11 миллионов человек. Так что Мао свою задачу уничтожения коммунистической буржуазии осуществил, наполовину или на треть заменил старых членов партии на новых.

В 1976 году Мао умер. Его жена, одна из вдохновителей культурной революции Цзянь Цин, была арестована и провела в тюрьме 15 лет, где и умерла в 1991 году. Человек, которого Мао назначил своим преемником, маршал Линь Бяо, погиб, разбившись в авиакатастрофе, как две капли воды напоминающей террористический акт.

В разгар культурной революции в 1967-м он сказал в интервью газете хунвэйбинов: «...ну, убивали людей в Синьцзяне: за дело убили или по ошибке, — все равно не так уже много. Еще убивали в Нанкине, но все равно в целом погибло меньше, чем погибает в одной битве... Так что потери минимальны... Это — великий замысел, гарантирующий наше будущее на сто лет вперед. Хунвэйбины — это небесные воины, хватающие у власти главарей буржуазии».

Мао, Великий Кормчий, соперник Конфуция по влиянию на Китай и его Историю, все же не смог уничтожить новую коммунистическую буржуазия. После его смерти вернулись сосланные в трудовые школы воспитанники. Вернулся Дэн Сяопин и, с помощью таких же, как он, повернул руль.

Сегодня мы имеем странный Китай, где все еще проходят съезды КПК, где под портретом Мао сидят наследники Дэн Сяопина, пожилые люди с крашеными в иссиня-черный цвет волосами.

Главы из книги Plus Ultra (За человеком)